

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

"NUESTRO PAÍS"

СЕМАНАРИО МОНАРХИКО РУСО

Registro Nacional de Propiedad Intelectual № 523.142

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires Argentina

FRANQUEO PAGADO
Concesión № 4233
Concesión № 3980Correo
Central B.
Argentina

AÑO X Buenos Aires, Jueves, 1º de mayo de 1958

Буэнос Айрес, четверг, четверг 1 мая 1958 года № 432

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

83. ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР НОВОГО СОСТАВА И ХРУЩЕВСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. — ГАСТРОЛИ ХРУЩЕВА И КОЗЛОВА В ВЕНГРИИ. КОНЧИНА ПОСЛА В ЯПОНИИ ИВАНА ФЕД. ТЕВОСЯНЯ. КОНЧИНА ЕПИСКОПА СЕРГИЯ И ХИРОТОНИЯ ЕПИСКОПА ПИМЕНА БАЛТСКОГО.

В настоящее время располагая точными данными об изменениях в личном составе правящей советско-партийной клики, мы можем дать уже точную и обоснованную оценку произведенным переменам, зная, что, выражаясь еще языком Сталина, "кадры решают все"! Посмотрим же подобранные Хрущевым кадры, на которые опирается его личная диктатура.

Прежде, чем говорить о составе правительства, о чём я вкратце упомянул в конце предыдущей статьи, следует остановиться на переменах в составе президиума Верховного Совета СССР. Напомню, что по Сталинской Конституции законодательная власть, которая по коммунистической локтире всегда слита с исполнительной и судебной, вопреки знаменитому принципу разделения властей, провозглашенному еще Монtesкье в "Духе Законов", принадлежит в промежутке между редкими сессиями пленума Верховного Совета его президенту. Поэтому постоянно функционирующим органом является избираемый этими палатами Президиум. Этот президиум состоит из председателя, избираемого пленумом — им является Ворошилов, 15 заместителей председателя (ими по должности являются председатели Верховных Советов Союзных республик), и 15 членов при одном секретаре; последним переизбран Михаил Порфириевич Георгадзе, член партии с 1942 г. и б. второй секретарь ЦК компартии Грузии.

Число заместителей зам. председателя сократилось на одного с ликвидацией Карело-Финской республики, но председатель ее верховного совета дряхлый 77-летний Куусинен стал секретарем ЦК и вернулся к прежней работе руководства иностранными компартиями. Из других 15 заместителей председателя 12 переизбрано на старый пост, а трое выбыли в результате утраты поста председателя Верх. Совета своей Союзной Республики. Так эстонец Август Вильгельмович Якобсон заменен эстонцем же Иоганном Гансовичем Эйхвельдом. Первый был слабый партийный писатель-драматург; второй пока ничем себя не проявил. Также от Азербайджана вместо Мирза Алжар Аббаса оглы Ибрагимова, выбранного на XX съезде членом Ревизионной Комиссии КПСС, видим новую и неведомую фигуру Ильяса Керима оглы Абдулаева. В Таджикистане произошла целая пертурбация. Партийный глава историк Бабаджан Гафуров назначен в Москву Директором Института Востоковедения Академии Наук, что для энергичного 49-летнего члена ЦК является "сдачей в архив". На его место назначен возглавлять партийную организацию глава правительства член Ревизионной Комиссии КПСС член партии с 1939 г. Турсынбай Ульджабаев, а председателем совета министров Таджикии назначен председатель Верх. Совета Назаршо Додхудоев, состоящий в партии с 1939 года. Поэтому последний автоматически выбыл из президиума Верховного Совета СССР, где его сменил его преемник по таджикскому Верховному Совету Мирза Раҳматов.

Вместо 15 членов президиума почтенно выбрано 16; из прежних 15-ти переизбраны председатель Комитета Партконтроля при ЦК старый большевик с 1914 г. Андрей Андреевич Андреев, старый маршал Сем. Мих. Буденный, 1-й секретарь ЦК Дагестанского Обкома А. Д. Даниялов, 1-й секретарь Московского Обкома Иван Вас. Капitonov, Секретарь ЦК Алексей Иллар. Кириченко и башкирец З. Нуриев. Из остальных девяти умерла историк А. М. Панкратова и выбыли по своим новым должностям Хрущев, Козлов и Шверников; зато вышиблены 5 человек: русские работницы Варвара Семен. Баланина, Таисия Ивановна Архипова и бурятка Вера Ранчимовна Боянова, проштрафившаяся секр. Татарского ЦК Зиннат Ибатуллович Муратов и "маленковец" П.К. Пономаренко.

Но к прежним шести членам выбраны 10 новых: новый второй секретарь Татарского Обкома Салах Гилемканович Батыев (видимо хотели показать татарам, что изгнание Муратова вызвано его личными проступками, но не антитатарской политикой, тем более, что эту татарскую партийную организацию теперь возглавляет не свой татарин, а русский чекист С. Д. Игнатьев ("истязатель врачей-отравителей" в январе 1953 г.); затем новый секретарь ЦК Казахстана Ник. Ильин Беляев, образцовая председательница украинского колхоза Галина Евгеньевна Буркацкая, глава белорусской компартии Кир. Троф. Мазуров, глава украинской компартии Ник. Викт. Подгорный, 1-й секретарь Московского Горкома Влад. Ив. Устинов и Ленинградского Обкома Ив. Вас. Спиридовон, председатель Узбекского колхоза Хамракул Турсункулов, ткачиха с Московской Трехгорной мануфактуры Варвара Ефимовна Федорова, сменный мастер с Кузнецкого металлургического завода Мих. Моис. Привалов.

Отсюда видно, что и тут преобладает партийно-советская бюрократия, а "народ" изображает всего 4 человека из 16: старый узбек, плешиный с седыми усами Турсункулов, щеголеватый мастер "от станка" Привалов, ткачиха Федорова и колхозная "барыня" Буркацкая.

Весь этот новый состав подобран хрущевскими работниками и будет играть роль щедро оплачиваемых статистов постоянного органа советского парламента.

В составе совета министров самым важным является выдвижение Фрола Романовича Козлова в первые заместители Хрущева, который взял его с собой сейчас же после конца работ Верховного Совета в Венгрию.

Из двух формально равноправных первых заместителей Ф. Р. Козлова и старого А. И. Микояна гораздо сильнее первый, а второй сейчас думает о том, как ему, последнему из сталинских последышей, удержаться при честолюбивом недоверяющем ему Хрущеве. Затем идут четыре "простых" заместителя премьера; они скорее являются исполнителями хрущевских директив: молодой и всплывший на поверхность

после своей двухлетней опалы Александр Федорович Засядко будет погонять тяжелую промышленность, Алексей Николаевич Косыгин — легкую, Дмитрий Федорович Устинов — военную, а Иосиф Иосифович Кузьмин — планирующие органы и инстанции. Затем идут 19 министров, о которых я говорил в прошлой статье: внешней торговли — И. Гр. Кабанов (член ЦК и влиятельный большевик с 1917 г., карьеру которого не испортила уголовщина его сыновей); ставленник Хрущева мин. внутр. дел Н. П. Дудоров (в партии с 1927 г., член ЦК); геологии — П. Я. Антропов (скромный бюрократ); высшего образования — Вяч. Павл. Елютин, канд. ЦК; здравоохранения — Марья Дмитр. Ковригина, врача, член ЦК, в партии с 1931 г. (сейчас сопровождается по СССР старую королеву Елизавету Бельгийскую); иностраных дел А.А.Громыко, член ЦК, в партии тоже с 1931 г.; отвратительный министр культуры с лицом уголовного преступника Ник. Ал. Михайлов (б. пуководитель Комсомола и посол в Польше, член ЦК, в партии с 1930 г.); морского флота — скромный В. Г. Бакаев; обороны — маршал Р. Як. Малиновский; путей сообщения Бор. Павл. Бешев. патриот с 1927 г. и инженер-путеец с 1935 г., занимает свой пост 14 лет и титууется "генерал-директор железных дорог" член ЦК с 1952 г., связи — Ник. Дем. Псурцев, партиец с 1919 г. и нач. связи генер. штаба в годы войны, инженер с 1934 г.; сельского хозяйства — Вл. Вл. Мацкевич, партийный агроном с 1933 г., известен поездкой в Соед. Штаты для изучения американского сельского хозяйства; среднего машиностроения Еф. Павл. Славский, новая фигура занимает свой пост с прошлого лета; внутренней торговли Дм. Вас. Павлов, который кажется много старше своих 53-х лет, канд. ЦК, "инженер пищевкусовой промышленности"; транспортного строительства — Евг. Фед. Кожевников, бесцветный бюрократ; финансов — бессменный Арс. Григор. Зверев, с 19 лет вступил в партию и 4 года был чекистом, затем стал работать по финансам и из 35 лет службы провел последние 20 во главе Наркомата-министерства финансов СССР; химической промышленности — Сергей Мих. Тихомиров, инженер-химик, член ЦК; хлебопродуктов — Леонид Павлович Корниец, партиец с 1926 г., долголетний сотрудник Хрущева на Украине, которого тот перетащил еще в 1954 г. в Москву; электростанций — Ал. С. Павленко, которым Хрущев заменил Маленкова на этом посту.

За этими 19-ю министрами идут сокращавшие звание министра при ликвидации их министерств и своем назначении в зам. предс. Госплана В. П. Зотов, Н. И. Строкин и нач. отделов Госплана М. В. Хруничев, Г. С. Хламов, Ал. Ак. Ишков и Еф. Ст. Новоселов, а также первый зам. предс. Госплана В. Перов, затем заменивший Молотова на его последнем посту председателя Комиссии Сов. Контроля Г. В. Енютин, член партии с 1924 г., б. секретарь Каменского Обкома.

Членами совета министров являются также девять председателей Госуд. Комитетов при совете министров: государственной безопасности — широко известный палач генерал армии Ив. Ал. Серов; по вопросам труда и зарплаты — А. П. Волков (б. предс. Совета Союза); научно-технического Комитета — член ЦК Ю. Евг. Максарев; по оборонной технике — К. Н. Руднев; по авиационной технике — генерал-полковник авиации и член ЦК П. В. Дементьев; по радио-электронике — канд. ЦК Вал. Дм. Калмыков; по судостроению — Б. Евст. Бутома; по делам строительства — Вл. Ал. Кучеренко, инженер-изобретатель, любимец Хрущева; по внешним экономическим Связям — С. А. Скачков — тоже недавняя креатура Хрущева; наконец, наряду с нач. центр. статист. управления Вл. Ник. Ставровским в совет министров входит новый председ. правления Госбанка опальный Н. А. Булганин. Кроме всех пе-речисленных сановников по новому дополнению к Сов. Конституции (статья 70-я в новой редакции 1957 г.) в совет министров СССР входят с правом голоса все председатели советов министров 15 союзных республик: из них новой фигурой является только что назначенный на этот пост с повышением Козлова в первые зам. премьера СССР председатель совета министров РСФСР Дмитрий Степанович Полянский. На вид совсем молодой лет 40, член партии с 1939 г. он всю карьеру прошел на Украине при Хрущеве, подобно Кириленко, Кириченко, Корничу. С 1954 г. он возглавлял Крымский Обком партии и в качестве гостеприимного хозяина ухаживал за всеми отдающими в Крыму сановниками, начиная с Хрущева, Булганина, Жукова, Микояна, Ворошилова и кончая маршалом Тито, Ульбрихтом, Кадаром и другими советскими ставленниками на Западе. Немудрено, что его в 1956 г. перевели возглавлять Оренбургский Обком, тогда еще называвшийся Чкаловским. Пробы там с полгода, он получил в управление Краснодарский Крайвой комитет партии, пост очень ответственный с точки зрения Кремля. Теперь он с 31-го марта стоит во главе совета министров РСФСР.

Подводя итог всем этим переменам, можно признать установление хрущевской диктатуры совершившимся фактом; следует отметить, что из старых сталинцев остались на высоте лишь бесцветный и угодливый Ворошилов и изворотливый Микоян; но не на них опирается Хрущев, а на своих ставленников из коих наиболее близкими ему являются: в правительстве Козлов и Полянский, а в ЦК — его креатуры Игнатов, Аристов, Брежнев, Мухитдинов, а еще вернее и ближе к нему Кириченко. Из них его старыми сподвижниками еще в годы проводимого им на Украине после ареста Коссюора террора являются именно Кириченко, Кириленко (ныне диктатор Урала), Полянский и министр хлебопродуктов Корниец. Скоро впору будет говорить об Украинской диктатуре над Россией; но дело не в национальном происхождении хрущевских молодчиков, а в их многолетнем с ним сотрудничестве. Их выдвижение ярче других фактов свидетельствует о том, что старые сотрудники Хрущева по годам работы на Украине выдвигаются в первую очередь на руководящие посты в правительстве и в партии, как в Москве, так и в других крупных центрах нашей обширной родины, превращаемой в хрущевскую вотчину теперь с окончанием периода пресловутого "коллективного руководства".

Немедленно по закрытии Пленума Верховного Совета СССР нового состава, Хрущев вылетел 2-го апреля в Будапешт во главе делегации на "празднование 13-летия освобождения" злополучной Венгрии от ее национального правительства, т.е. утраты ею независимости. В состав делегации вошли первый зам. предс. совета министров СССР Фр. Ром. Козлов, мин. ин. дел А.А. Громыко, председатель ВЦСПС, член ЦК Викт. Вас. Гришин, первый секретарь Киевского Обкома Петр Ефимович Шелест, второй секретарь Ленинградского Горкома и член Ревизион-

ной Комиссии КПСС Анна Петровна Бойкова и посол в Будапеште Евг. Ив. Громов (б. зав. Отделом кадров ЦК по союзным республикам). Как видим, в делегацию вошли исключительно хрущевские любимицы!

Читатели знают из общей печати ход турне этой делегации по Венгрии. Не анализируя бесконечных и многословных выступлений Хрущева и более сдержаных речей Козлова, отмечу только, что в одном из первых выступлений Хрущев неосторожно заявил, что СССР великодушно помог венгерскому народу подавить восстание "фашистов", но в другой раз правительство должно само своими силами справиться с мятеежниками. Такое заявление вызвало панику среди венгерских партийных божков и ликование народа, которое смутило самого Хрущева. Поэтому во всех последующих речах он повторял, что СССР никогда не оставит дружественный ему венгерский народ и поможет в случае новой "provokации" американских агентов. Он все время пытался оправдать вооруженное вмешательство советской армии тем, что СССР не мог допустить нового "порабощения" венгерского народа "фашистами". Конечно, ни Хрущев, ни его венгерские слушатели не верили в его совершенно иллюзорные речи: если весь венгерский народ стоял за большевизм, то почему он сам не мог справиться с "кучкой фашистов" без помощи нескольких советских танковых дивизий? Почему бои шли столько дней? Хрущев умолчал, конечно, о переходе на сторону "фашистов" всей созданной и обученной советскими инструкторами и воспитанной политруками венгерской армии, а также о переходе целых групп советских военных на сторону повстанцев, брошенных Западом на произвол судьбы. Хрущев знает, что если бы после советских дивизий в бой вступили американцы хотя бы так, как это было в Корее, то весь венгерский народ поголовно поднялся бы против коммунистов, а при первом поражении переход советских войнов на сторону врагов коммунизма принял бы массовый характер. Но, вместо благодарности американцам за их отказ от поддержки восставшего народа, Хрущев почти в каждой речи острил на их счет. Заявив, что, будучи христианами, американцы думают, что большевики, получив от американцев удар по щеке, подставят другую, Хрущев подчеркнул,

что коммунисты не христиане и за удар по щеку сразу ударят американцев по обеим щекам так, что те это запомнят. В другой раз, по поводу приглашения американцев на конференцию, Хрущев сказал, что они напоминают свинью из русской пословицы, ибо, если американца посадить за стол, то он всегда кладет ноги на стол. По поводу заявления Айзенхаузера, что при согласии СССР на воздушную инспекцию, не только американские самолеты будут летать над СССР, но и советские самолеты будут летать над Америкой. Хрущев, засмеявшись смехом, сказал, что советским летчикам вовсе не интересно лететь над Соед. Штатами, но американской авиации никогда не будет разрешено летать над СССР в целях контроля разоружения. Не стоит перечислять ежедневные его антиамериканские остроты тем более, что американская дипломатия все еще намерена сносить любые антиамериканские выпады нового советского премьера, продолжая упорно твердить, что находит успех на успехе предстоящей конференции после надлежащей дипломатической подготовки. Козлов говорил больше об успехах советской промышленности и о предстоящем развитии экономического сотрудничества не только между Венгрией и СССР, но и между Венгрией и другими "странами народной демократии". Основной целью поездки была поддержка Кадара громогласным обещанием военной интервенции в случае нового восстания и вызов Соед. Штатам и Оединенным Нациям, протестовавшим против нападения советских войск на венгерских повстанцев и свирепое поплавление ими национального движения против коммунистической тирании венгерской компартии над своим народом.

Из всех советских послов в иностранных государствах в Верховный Совет был выбран депутатом один только посол в Японии Иван Федорович Тевосян. Тем более поразило всех появившееся в день закрытия сессии сообщение от 31-го марта, что он скончался 30 марта в Москве "после продолжительной и тяжкой болезни". Непонятно: почему же было выбирать 17-го марта умирающего в Кремлевской больнице дипломата, а не кого-либо из здоровых и работающих советских послов? По медицинскому сообщению, подписанному светилами советской медицины: В. Х. Василенко (один из "отравителей"-1953 г.), А. Л. Мясниковым, А. И. Струковым и др. врачами, у Тевосяна еще в сентябре 1957 г. обнаружен рак легкого с прогрессирующими метастазами, что привело к смерти 30 марта в 9 ч. 35 мин. вечера. Это был один из видных "маленковцев" и близкий Стalinу человек. Сын поэтного из Шуши, родившийся в 1902 г., Тевосян 16-ти лет

вступает в Баку в подпольную компанию и через год становится секретарем ее подпольного городского комитета. От бакинских коммунистов он 19-ти лет едет делегатом на X съезд партии и, в числе трети общего числа делегатов съезда, отправляется в Петроград и принимает участие в штурме восставшей крепости. После расправы над кронштадтами он не возвращается домой, а командирован учиться в Горную Академию. Получив, после 6 лет обучения при одновременной партийной работе в Замоскворецком Райкоме, диплом горного инженера, Тевосян работает на заводе "Электросталь", начав с мастера этого нового метода выплавки стали и кончая в 1931 г. главным инженером завода. В 1931-37 г. он — начальник управления "Спецсталь" Наркомтяжпрома. Затем все годы ежовщины он руководит оборонной промышленностью. В 1939-40 г. Тевосян — нарком Судостроения; в 1940-49 г. — нарком-министр черной металлургии. В 1949 г. Сталин назначает его заместителем председателя совета министров с подчинением его контролю министров черной и цветной металлургии, угольной и нефтяной промышленности и геологии. Этот крупный и талантливый хозяйственник пользуется неограниченным доверием Сталина и его ближайших сподвижников: Маленкова, Берия, Молотова и Карагановича. Только этим можно объяснить, что по приходе к власти в феврале 1955 г. Хрущева, Булганина и Жукова его стали оттирать от власти, как затем и Первухина с Сабуровым. В декабре 1956 г. этот знаток оборонной и тяжелой промышленности, далекий от внешней политики и не знающий иностранных языков назначен послом в Токио, что объясняется стремлением правившей в тот момент клики удалить его из Москвы, как удалили потом Молотова и Первухина. Если он после 10 месяцев работы в Токио безнадежно заболел и по возвращении в Москву слег с раком легкого, который лечили рентгеновскими лучами и медикаментами, как сообщает медицинское заключение о его смерти, то, повторяю, непонятно почему умирающий за 12 дней до кончины был выбран депутатом в Верховный Совет, на сессии которого он, конечно, не мог присутствовать? После полу века пребывания в партии и 19 лет (с 1939 г.) членом ЦК Тевосян получил "похороны" по первому разряду, т. е. на Красной Площади с замурованием урии в кремлевской стене. Телеграмму с выражением соболезнования прислали японский император, которому он вручил свои верительные грамоты в декабре 1956 г., в качестве первого посла СССР по заключению мирного договора между СССР и Японией.

ОБЩЕРОССИЙСКИЙ МОНАРХИЧЕСКИЙ ФРОНТ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ БЮРО

СООБЩЕНИЕ № 1

Российским Общемонархическим Съездом, состоявшимся 22-23 марта с.г., в Нью Йорке, постановлено:

1. 29 монархических организаций, участвовавших через своих полномочных представителей в Съезде, образуют Общероссийский Монархический Фронт.

2. Для управления делами Общероссийского Монархического Фронта избрано из числа делегатов Съезда Исполнительное Бюро, в составе десяти членов — Б.Л. Бразоль, А.П. Волков, Н.К. Глобачев, А.В. Голубинцев, С.С. Иодко, В.А. Карим, П.Н. Колтыгин, П.Ф. Мар, Н.Ф. Сигида и Н.Н. Чухнов.

Исполнительное Бюро, по мере необходимости, привлекает к совместной работе полезных лиц и учреждает вспомогательные отделы, в первую очередь — пропагандный, молодежи, казачества, национальных меньшинств, издательский, финансовый и т.д.

3. Задачи Общероссийского Монархического Фронта и Исполнительного Бюро следующие:

а) антикоммунистическая борьба всеми силами и средствами;

б) служение Делу Великого Князя Владимира Кирилловича, как Законного Правопреемника Государей Всероссийских;

в) пропаганда монархической идеи и восстановление Монархии в России;

г) связь с иностранными кругами;

д) проектирование законоположений для будущей Империи Российской, применительно к требованиям времени и переменам, случившимся в результате революции;

е) отбор кадров и учет сил.

По поручению Исполнительного Бюро

Н. Чухнов

Нью Йорк, 8 апреля 1958 г.

Внимательно следя за изменениями в составе советского епископата, считаю долгом отметить кончину одного епископа и хиротонию другого, указав при этом на некоторые темные места в их официальных биографиях.

Находясь "на покое" в Могилеве, скончался 16-го августа прошлого года б. епископ Смоленский и Дорогобужский Сергий (б. протоиерей Александр Викторович Смирнов). Сын Петербургского диакона, он в 1917 г. был скромным сельским священником 34-х лет в Лужском уезде. В 1919 г. переведен в Волосово (поселок к северо-востоку от Ленинграда по ветке на Токсово Ириновской жел. дороги). Там он служил в церкви 20 лет, т. е. до 1939 г.

смотрит на меня Степушка. Он с роны Бабенки — один шанс на с

Здесь же и тоже в наручники винностью в бегающих глазах кошкой мизансцене нужен такой

Поздно вечером во внутренних ротин долго ковыряется ключей может открыть их. Руки мои пр раскованный, разминает кисти товарищ Добротин, при всей валились с восьмерками спрятать

Потом мы прощаемся с очи Жму руку Бобу. Ирочка целует смотреть на меня, жмет мне руки

— Ну, что-ж Ватик... До с

Это его любимая и весьма у в четвертом измерении. Но г теории.

— Ничего, Юринька. Бог да

Стоит совсем пришибленный будь соображает сейчас. Вокруг лись все 36 захвативших нас членов циклопические железо-бетонные новой стройки. Это, кажется, е строит прочно и в рассчете на д

Я подымаюсь по каким-то целым лабиринт коридоров. Д тыре шага вперед, четыре шага ремных дверей...

И ожидание.

ДОПРОСЫ

В коридорах тюрьмы — сса. Надзиратель идет сзади мен направо.. Полы устланы полови

КАЖДУЮ СУББОТУ В 17.00 ЧАСОВ
СЛУШАЙТЕ
РУССКИЕ ПЕРЕДАЧИ
ПО
RADIO NACIONAL
870 килоцикл.

И. СОЛОНЕВИЧ

РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ

Я не думаю, чтобы кто бы то ни было из нас находился вовсе здравом уме и твердой памяти. Я как-то вяло отметил в уме и "оставил без последствий" тот факт, что вагон, на который Бабенко достал плацкарты, был последним, в хвосте поезда, что какими-то странными были номера плацкарт — в разбивку: 3-ий, 6-ой и 8-ой и т. д., что главный кондуктор без всякой к этому необходимости заставил нас рассесться "согласно взятым плацкартам", хотя мы договорились с пассажирами о перемене мест. Да, и пассажиры были странноваты!..

Вечером мы все собирались в одном купе. Бабенко разливал чай, и после чаю я, уже давно страдавший бессонницей, заснул как-то странно, быстро, точно в омут провалился.

Я сейчас не помню, как именно я это почувствовал... Помню только, что я резко рванулся, отбросил какого-то человека к противоположной стенке купе, человек гулко стукнулся головой об стенку, что кто-то повис на моей руке, кто-то цепко обхватил мои колена, какие-то руки сзади судорожно вцепились мне в горло — а прямо в лицо уставились три или четыре револьверных дула.

Я понял, что все кончено. Точно какая-то черная молния вспыхнула невидимым светом и осветила все — и Бабенко с его странной теорией баллистики, и странные номера плацкарт, и тех 36 пассажиров, которые в личинах инженеров, рыбников, бухгалтеров, железнодорожников едущих в Мурманск, в Кемь, в Петрозаводск, составляли, кроме нас, все население вагона.

Вагон был наполнен шумом борьбы, тревожными криками чекистов, истерическим визгом Степушки, чьим-то раздирающим уши стоном... Вот почтенный "инженер" тычет мне в лицо кольтом, кольт дрожит в его руках, инженер приглушенно, но тоже истерически кричит: "руки вверх, руки вверх, говорю я вам!"

Приказание — явно бессмысленное, ибо в мои руки вцепилось

человека по три на каждую и на мои запястья уже надета "восьмерка" — наручники, тесно сковывающие одну руку с другой... Какой-то вчерашний "бухгалтер" держит меня за ноги и вцепился зубами в мою штанину. Человек, которого я отбросил к стене, судорожно вытаскивает из кармана что-то блестящее... Словно все купе ощетинилось стволами наганов, кольтов, браунингов...

**

Мы едем в Питер в том же вагоне, что и выехали. Нас просто отцепили от поезда и прицепили к другому. Вероятно, вне вагона никто ничего не заметил.

Я сижу у окна. Руки распухли от наручников, кольца которых оказались слишком узкими для моих запястий. В купе, ни на секунду не спуская с меня глаз, посменно дежурят чекисты — по три человека на дежурство. Они изысканно вежливы со мной. Некоторые знают меня лично. Для охоты на столь "крупного зверя", как мы с братом, ГПУ, повидимому, мобилизовала половину тяжело-атлетической секции ленинградского "Динамо". Хотели взять нас живьем и по возможности неслышно.

Сделано, что и говорить, чисто, хотя и не без излишних затрат. Но, что для ГПУ значат затраты? Не только отдельный "салон вагон", и целый поезд могли для нас подставить.

На полке лежит уже ненужное оружие. У нас были две двухстволки, берданка, малокалиберная винтовка и у Ирины маленький браунинг, который Юра контрабандой привез из заграницы... В лесу, с его радиусом видимости в 40-50 метров — это было бы очень серьезным оружием в руках людей, которые боятся за свою жизнь. Но, здесь, в вагоне, мы не успели за него даже и хватиться.

Грустно — но уже все равно. Жребий был брошен, и игра проиграна вчистую...

В вагоне распоряжается тот самый толстый "инженер", который тыкал мне кольтом в физиономию. Зовут его Добротин. Он разрешает мне под очень усиленным конвоем пойти в уборную и, проходя через вагон, я обмениваюсь деланной улыбкой с Борисом, с Юрием... Все они, кроме Ирины, тоже в наручниках. Жалобно

Н. Кусаков

ПОКА ЕЩЕ ЕСТЬ ВРЕМЯ...

Берусь за перо в торжественные часы приближения Светлого Праздника Христова Воскресения. В храме — тишина вокруг Плащаницы; происходят последние приготовления к торжественнейшему богослужению всего года. В доме — кончены все предпасхальные труды. Остается лишь приготовить пасхальный стол к разговенам. Вот-вот придет час отправляться к Затурне. Пока еще есть время, берусь за перо.

Тихо кругом. Церковь вспоминает таинственные часы страшных дней, когда Сын Божий был убит человеческими руками. Он пришел на землю, чтобы спасти человеческий род от греха.

Внимание обращается к мысли об этом грехе. Откуда он?.. Много говорят о лукавом змие, соблазнителе, указывают на него, что во всем виноват он. Но он-то, завистник, что избрал бруднем своего лукавого действия? Он избрал свободную человеческую волю, волю свободного выбора: соблюдать заповедь, или нарушить ее. Вы замечали совпадение двух значений в слове воля? Она — направляющая сила человеческой жизни, она — способность переступать все преграды. Воля, утверждающая гордость и высоту собственного достоинства, и воля, в смиренном сознании своего недостоинства.

16-го ноября 1944 г. он в Москве пострижен в монахи, а 19-го хиротонисан во епископа и послан на вновь открытую кафедру покинутого немцами Смоленска. Эти официальные данные позволяют задать вопрос: где был отец протоиерей пять лет (1939-44 г.г.)? Ответ ясен: арестован в 1939 г., приговорен к 5 годам концлагеря с обычным зачетом предварительного заключения; Освобожденный в конце 1944 г. и оправдев, принял предложение митрополита Сергея стать советским епископом, которого для пропаганды надо было спешно послать в “освобожденный” Смоленск. За сотрудничество с расправившимися с “коллаборантами” чекистами награжден медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне”. В апреле 1955 г. он “по болезни” уволен на покой, но еще до этого управление епархией поручено епископу Михаилу Чубу, хорошо известному читателям, что позволяет предполагать новый арест. Затем он якобы лечится в Крыму и в конце 1956 г. допущен в Ленинград “в распоряжение митрополита Елевферия в помощь ему в служении”, однако новая болезнь вынуждает его переехать в Могилев, отнюдь не являющийся курортом, где он умирает в ночь на 16-е августа 1957 г. Все это позволяет думать скорее о высылке под надзор МВД и на поруки местного епископа 74-летнего опального архиепископа!

16-го ноября 1957 г. хиротонисан во епископа Балтского, викария Одесско-Херсонской епархии наместник Троице-Сергиевской лавры 48-летний архимандрит Пимен (в миру Сергей Извеков). При не указанном образовании он до 25 лет был регентом церковного хора в Москве, будучи 17-ти лет пострижен в рясофор, 21-го года рукоположен в иеродиакона и через год в иеромонаха. Все же он работал регентом до 1935 г. Затем в 1945 г. был назначен священником в Муром. Где же был этот регент-иеромонах в 1935-45 г.г.? Срок как раз достаточный, чтоб отбыть 10 лет концлагеря, если он был арестован во время дикого террора в Москве и по всей стране после убийства Кирова в Ленинграде 1-го декабря 1934 г. Но с 1946 г. о. Пимен делает карьеру; сначала он казначай Одесского Ильинского монастыря, любимого патриархом Алексием. В декабре 1947 г. возведен в сан игумена, получает крест с украшениями и переводится в Ростов — секретарем епископа и ключарем кафедрального собора (где до последней войны одно время был устроен зверище!). В 1949 г. он — наместник Псково-Печерского монастыря и на Пасху 1950 г. возведен в архимандриты, а в январе 1954 г. назначен наместником Троице-Сергиевской лавры. Это — близкий патриарху человек, который будет всегда при нем в Одессе, где патриарх проводит лето и осень.

Алексей Ростов

ва, склоняющая человека под высокую руку Божественного Закона. Воля человека Адама склонилась к тому, чтобы дать себе волю. Так совершился грех. Праотец Адам воспользовался данной ему от Бога свободной, он склонился к тому, чтобы поставить свою волю выше Воли Божией. Так совершился грех. Склонясь воля праотца Адама к тому, чтобы сохранить послушание заповеди, завистник и соблазнитель был бы посрамлен. Но грех совершился.

Христос, Сын Божий, сошед на землю, Крестной Смертью Свою разрушил, упразднил Адамов грех и Славным Своим Воскресением открыл человеку путь приобретать первоначальное блаженство праотца Адама, вечное блаженство райской жизни.

Христос Воскрес! Всистину Воскрес Христос!

Такое предисловие нечаянно выскользнуло из под пера, несмотря на то, что эта дневниковая запись по содержанию, казалось бы, далека от мыслей и чувств, сопутствующих Страстной неделе и Св. Пасхе. Но.. так написалось, пусть так и будет.

Поводом же к этой статье является рассуждение, вызванное одним американским журналом. Очевидно повторяя сев.-американское издание, журнал “Лайф” на испанском языке, распространяемый в двадцати одной стране земного шара, предлагает вниманию читателей роскошно иллюстрированную серию их четырех статей под общим заглавием “Русская революция”. Перед нами первый выпуск, помещенный в тетради от 10 февраля 1958 г.

Вполне логично, что это издание привлекло внимание многих русских читателей. Промолчать о нем нельзя, т.к. предложенная в нем тема и ее изложение коснутся многих русских сердец.

Авторы статьи блещут учеными званиями, сама она снабжена фотографиями, в подлинности которых не приходится сомневаться, и картинами, где художник по мере сил пытался возобразить сцены, которых он не видел по тем или иным литературным данным. Как сообщает редакция “Лайфа”, работа над этой статьей длилась полтора года.

Статья эта представляет материал, по которому десятки тысяч англо- и латино-американцев и сотни тысяч тех, до кого статья дойдет на иных языках, будут строить свои представления о русской революции. Есть достаточно оснований полагать и то, что эта статья не только формирует, но и отражает то, что принято называть общественным мнением, в отношении Русской революции.

Занимаясь критическим разбором исторической статьи в “Лайфе” надобности нет. Даже судя по первому выпуску, можно с полной ясностью видеть, что она разбора не заслуживает. Революционная тенденция, очевидно троцкистского толка видна с первого взгляда. Способ преподнесения и намеренный подбор иллюстраций, характеристика Троцкого, как гениального (стр. 57) говорят сами за себя. Авторы статьи, рекомендуемые редакцией журнала, как: “знатчайший историк Аллан Морхед (Alan Moorehead) и группа международных эрудитов, возглавленная д-ром Стефаном Т. Поссони (Stefan T. Possoney), профессором международных отношений Джорджтаунского университета в г. Вашингтоне” проявили незнание целого ряда исторических документов и исследований, относящихся к делу, допустили целый ряд мелких и крупных частных ошибок и, подчинив материал изложения своей политической тенденции, подали исторический очерк не только односторонне, но и однобоко, и потому — в крайне искаженном виде. Многие важные обстоятельства обойдены молчанием. Если это молчание является утаиванием их от читателя, то мы имеем дело с недобросовестностью, а если оно вызвано незнанием авторов, то мы имеем дело с их некомпетентностью. И в том и в другом случае рукопись, явившаяся в результате их полуторагодового труда, пригодна только для корзины. Стыдно за журнал “Лайф”! Тут они подают фотографию пункта

приёма раненых, где раненые лежат на соломе одетые в шинели и форму, и подписывают, что это русский госпиталь, там они говорят о курных избах, как об обычном жилище крестьянского населения России, то они называют Распутина монахом и изображают его, как всесильного правителя России и вершителя ее судеб, то в картине убийства Царской Семьи изображают Юровского и других палачей в зимней одежде, то... но не станем загружать свой очерк изобличениями неграмотностей и подтасовок, допущенных и сделанных историками из “Лайфа”. Это заняло бы страницы.

Когда Императрице Екатерине Великой тайком подали пасквиль, она написала на нем: “Оставить автора стыдом его казни!” Пусть стыд будет казнью и для “Лайфа” и для знаменитого историка Алана Морхеда и для международных эрудитов из Джорджтаунского университета.

Горбатого могила исправит!

Нас гораздо больше заинтересовало то, что ученые авторитеты из “Лайфа” отчливо расписались в полном своем непонимании того государственного и общественно-политического явления, которым была дореволюционная Россия — Православная Российская Империя. Упреки Западу со стороны русских в том, что Запад не понимает России, стали притчею во языках, и теперь западники насмешливо отмахиваются от этих упреков, приговаривая: “Отлично мы вас понимаем!” Но на страницах “Лайфа” они выявили, что не поняли ничего. Что называется: ничему не научились, и ничего не забыли с прошлого века. Прогресс!

Вот что написано на 30-й странице очерка о русской революции в журнале “Лайф” по-испански от 10 марта 1958 года. (Указываем на страницу в испанском издании, т.к. мы не нашли нужным обременять себя поисками издания на английском языке).

“Даже сегодня, в мире, привыкшем к диктаторам и despoticism камарильям, трудно полностью понять сколь абсолютной была власть царей в 1868 г., в году, когда родился Николай. Царь вступал в свои функции как глава государства с тою же естественностью, с какою отец воспринимает ответственность за попечение о своей семье. Идея священного права (подчеркнуто наими, Н. К.) королей было чем-то большим, нежели просто порочным предрассудком средневековой эпохи. Это была живая вера всех русских, не только царствующей семьи. Для грандиозного большинства народа, помимо двора, это составляло подлинную догму, столь же непоколебимую и абсолютную, как позднее для большевиков сделались Коммунистический манифест и тезисы Ленина.

“Жестокая татарская традиция в полной силе пережила эпоху 1860-х годов и самый темперамент русских — безразличие и лень крестьянства и бескультурье высших слоев — пожалуй вызвал неизбежность того, чтобы правительство централизовалось в руках властителя, который осуществляет свою власть силой. Конечно, можно говорить, что тираны царей привела русских в состояние отсталости, превратив их в расу рабов. Нельзя отрицать того, что дело шло о злобном, порочном режиме, при котором царь и маленькая группа знати и бюрократии правили исключительно преследуя свои интересы. (подчеркнуто наими, Н. К.). Крестьянин был рабом, лучшая надежда которого была поскорее умереть в мире, или существовать при наименьшем количестве работы, налогов, голода и скверного обращения. Правящая группа всецело владела богатством, пользовалась всеми привилегиями, monopolizирована властью и не была расположена отказаться от своих прерогатив. Она смотрела на крестьянство (95% населения), как на животных, которым невозможно было передать ни малейшую долю ответственности.

Ко времени рождения Николая прошло немного более одного века после эпохи, когда Петр Великий организовал русское государство, как личную собственность семьи Романовых или, может быть, как школу для отсталых детей. Под властью царя было три больших учреждения: бюрократия, армия и Святейший Си-

нод, члены которых были организованы как мурлы. Год за годом, в зависимости от способностей, характера и счастья, государственный чиновник подымался по лестнице из 14-ти ступеней, каждая из которых имела определенную униформу, привилегии и жалованье, вплоть до достижения отставки и фиксированной пенсии. Это был широкий слой гражданского чиновничества, охватывающий 10% мужского населения городов. Крестьянами управляла полиция, отвечавшая перед местной властью, эта последняя была ответственна перед губернатором, тот — перед министром внутренних дел, министр перед царем, а царь перед Богом”.

Глубокое презрение к “стране степей” здесь слышно в каждой строке. Признание за русским крестьянином безразличия, лени и рабского состояния в недавнем прошлом легко оправдывают “суровые меры” прогрессивно-большевистского правительства, предпринятые последним для того, чтобы отсталую страну через голод и концлагеря толкнуть вперед, в мир “спутников”! Запад знал об ужасах большевистского правления, но говорил: “В этой отсталой рабской стране иначе нельзя”. Они восторгались стройками пятилеток, а сейчас приходят в дикий восторг от “спутников”. Отсюда жестокая черствость Запада к страданиям русского народа под властью большевиков, отсюда дружба с большевиками, начавшаяся торговлей с людоедами и дошедшую до Ялты и нынешнего существования. Трудно сказать, являются ли слова о расе рабов изобретением историков из “Лайфа”, или же они просто списаны у Гебельса или Розенберга, но характерно, что авторы из “Лайфа” проявили рабское отношение к привычным фразам о власти, осуществляющей силой.

Они, при всех своих ученых титулах не позабыли остановиться мыслью на том, что всякая власть и есть сила. По-немецки эти два понятия выражаются даже одним словом: “махт”. В городе Литтл Рок Президент Соединенных Штатов, когда нужно тоже править силой и силой же заставляют свободных граждан свободных республиканцев идти в армию и на фронт. И идут. Силой собирают налоги, силой приглашают к избирательным урнам.. Так что лучше бы им не спекулировать, рабски повторяя укоры Царской России, что там власть осуществлялась силой.

Только профессорской рассеянностью можно себе объяснить толки эрудитов из “Лайфа”, что Русский Царь правил Россией “исключительно в своих интересах”. Если бы не рассеянность, они бы подумали, что пишут нелепость. Править страной исключительно в своих интересах значит обречь ее наувядание. По “Лайфу” выходит, что так правили все цари, после Петра, во всяком случае. Здравый смысл говорит, что правление силой при порочной системе, где все подчинено личным интересам правящей группы, есть фактор центробежный, дезинтегрирующий, разлагающий. Ведь этим они и хотят объяснить революцию. Между тем исторические факты говорят, что царская власть была фактором объединяющим, центростремительным, организующим и созидающим. Разрастание России не остановилось с Петровским временем. Если бы не воля Императора Александра II, то Россия давно стояла бы на Адриатическом море и оставалась бы на Аляске. Здравый смысл говорит, что если бы в России действительно господствовал произвол власти, правящей исключительно в своих интересах, то она развалилась бы еще и до Петра.

Здравый же смысл говорит и то, что власть в России осуществлялась по каким-то принципам, которых ни Аллан Морхед, ни д-р Стефан Т. Поссони понять никак не могут.

Их нелепое утверждение об исторической России логично вытекает из их общего непонимания ее, как общественного и государственно-политического явления и из глубокого, традиционного априорного презрения к ней. С XI века, а особенно после Флоренции и скандала с кардиналом Исидором, Россию презирали, как страну схизматиков. После реформации к презрению за схизму прибавилось презрение за “византийщину”. Протестантам очень трудно понять суть православно-христианского обряда, и он по-своему

объясняет его — суеверием. Презрение здравомыслящего человека к суеверу более чем понятно. Для Запада слово Россия звучало так, как петербургскому снобу звучало слово инородец. Россия для них испокон веку была забавная экзотика.

Но гораздо большей причиной непонимания является сдвиг Европы, произошедший после торжества там сначала католицизма, а потом реформации. Западные монархии, потеряв Православие, восприняли форму и суть абсолютизма, и западник сам думает, что монархия есть абсолютизм. Со временем дело пошло дальше. Орден иезуитов обосновал богословски теорию гражданской власти, как прерогативы, данной Богом не царю, а народу. (Имеется в виду теория богослова иезуита Франциска Суареса; 1548-1617). Это богословское учение было воспринято всеми либералами, и они до сих пор не могут себе представить дела иначе. Им кажется, что источником гражданской власти на земле по законам Божеским и человеческим является его величество народ. Все это впитывалось и воспитывалось западным сознанием, и они не могут думать, чтобы что либо иное было мыслимо. Они к России прилагают свои мерки.

Вот и пишут, что в России господствовало **священное право королей**, и им представляется смешной нелепостью то, что **царь ответственен перед Богом**. Если бы царь был ответственен перед народом, то это еще находило бы место в западнической голове, но ответственность перед Богом не помещается. Конечно, если бы историки из “Лайфа” имели действительно ту эрудицию, которая необходима, чтобы судить об исторической России, они знали бы, что Русская Монархия не имела ничего общего с правом королей на власть.

Власть Русского Монарха есть не право, а долг, обязанность, тяжкий крест! “Монархия, — пишет Лев Тихомиров, — получает свой полный смысл только в наследственности. Еще и нет будущего самодержца, еще не имеет он своей воли, своего желания выбирать между долей царя или пахаря, а уже предназначено ему отречься от себя и возложить на себя крест власти. Не по желанию, не по призванию способностей своих, а по Божьему назначению становится он на служение свое...” Сущность монархии состоит в примиряющей силе Высшей Правды... Не уничтожает монарх никакой самодеятельности, никакого совета, никакой работы мысли народной, не отрицает он и народной воли, когда она существует. Он выше всего этого. Он дан не для уничтожения всего этого, но для направления. Для него нет ни мудрого, ни глупого, ни сильного, ни бессильного, ни большинства, ни меньшинства. Для него есть только совесть и правда. Он должен все видеть, но поддержит только то, в чем правда... Монархия, в этом истинном существе, не есть что либо переходное, пережитое, совместное только с одним каким-нибудь фазисом развития культуры, но есть принцип вечный, всегда возможный, всегда необходимый, высший из всех политических принципов. Если этот принцип становится когда либо для какой либо нации невозможным, то не по состоянию ее культуры, а только по нравственному падению самой нации. Там, где люди хотят жить по правде, им необходимо самодержавие, и оно возможно всегда, при всякой степени культуры”.

(См. статью Л. Тихомирова памяти Императора Александра III “Носитель идеала”).

Историки из “Лайфа” не могут добраться до сознания, что государство может существовать по совести. Положительные факторы Православной государственности им недоступны. Они видят в ней только отсутствие того, что им кажется положительным, а для доказательства своей правоты раздувают обычные жизненные беды России, вменяя все эти беды, вплоть до стихийных бедствий, в вину непонятному им государственному порядку Православной Империи.

Папизм, реформация, либерализм, рационализм, наконец атеизм... Чем ниже падала культура Запада, падал его нравственный уровень, тем дальше и дальше оказывался Запад от возможностей понимания Православной монархии. Вот и до сих пор они применяют

свои провокационные мерки к России в смешном виде представляют и высочайший принцип ответственности Монархи перед Богом.

С их точки зрения, они правы в своей ненависти к исторической России. Право короля на власть не может не возмущать всякое сердце. Особенно оно волнует сердце завистливое. Тот, кто поколениями воспитался в сознании, что прерогатива гражданской, земной власти исконно лежит в народе, не может не скорбеть о народе, который к власти имеет лишь подчиненное отношение. Ему кажется, что народ должен хотеть власти, ибо он сам хочет ее. То, что царь не ответствен перед народом воспринимается, как оскорбление лучших чувств народа, а для рационалиста и безбожника мысль об ответственности царя перед Богом — не больше, как смешное злоупотребление суеверием темного народа.

Они говорят о праве там, где историческая Россия говорит о долге, и отвергают вообще предмет ответственности перед Богом. Совесть, Правда и Милость настолько чужды их государственным взглядам, что там, где они применяются, они видят их не могут. Не хотят видеть! Нравственное падение Запада сделало монархию там давно невозможной. Они начертали себе иные идеалы и этими идеалами стали измерять Россию, и до сих пор измеряют. Учиться же у них нет времени, очевидно.

Видя Православную Русскую Империю не такую, какую она, по их мнению должна была бы быть, они всемерно содействовали русской революции. “Лайф” умалчивает о том, сколько сил было положено свободолюбивым Западом на то, чтобы сломить Русскую Монархию, а это был значительный фактор. Коснется лишь одной малой капли. Газета “Нью Йорк Таймс” от 24 марта 1917 г. № 21.609 приводит речь г-на Кеннана, в которой он рассказывает, как он и д-р Николай Расселл распространяли в Японии среди военнопленных русских в 1904 г. революционную литературу, отпечатанную на деньги великого эмансипатора г-на Якова Шиффа. Г-н Кеннан несомненно проявил скромность, говоря, что они распространяли полторы тонны революционной литературы. На миссионерском съезде в Киеве в 1908 г. прот. Восторгов докладывал, что революционными брошюрами был завален весь Сибирский путь. Кеннан, Расселл, Шифф и многие др., работая на разрушение Русской Монархии, делали то, что, по их мнению, было святым делом, ибо единственное святое, что они знают в жизни, есть свобода. В Православной Российской Империи они видели только попранье свободы. Они не в состоянии были понять, что свобода способна избрать послушание Божьему Закону.

В этом и лежит коренной пункт различия западнических и свято-русских идеалов. С одной стороны, на Западе свобода, как дар Божий (а по мышлению рационалиста, просто так — свобода с большой буквы) понимается как ничем не ограниченное свойство. Подчинять свою свободу чему бы то ни было считается унизительным. Подчинять свободу другого человека себе — преступным. Ограничение свободы может быть терпимо лишь в мере минимально-необходимой для общежития. Из этих понятий возникает декларация прав гражданина и человека и декларации независимости республик. Это считается святым и непреложным.

На другом полюсе стоит Православная точка зрения. Здесь свобода ограничена выбором между одним абсолютно верным предметом для подчинения ему своей свободы, и бесконечным числом предметов неверных, в областях которых уже нет никакого ограничения свободы. Поэтому, сделать верный выбор, подчинить свою свободу единой абсолютной ценности и проявлять ей полное послушание есть дело доблести, а не унижения, а подчинять волю других этой ценности через послушание себе есть дело служения правде.

Первая точка зрения есть путь греха, ибо неограниченная свобода способна возвыситься над волей Божией. Вторая, т.е. Православная точка зрения ставит на узкий, тернистый путь правды, праведности.

“Смирение есть творческое начало жизни. Уничтожаясь как бы перед Богом в сознании своего недо-

стоинства, верующий человек в Нем же находит высшее раскрытие и утверждение своей личности. Всевышний никогда не остается в долгу у человека. Когда последний повергает на Его алтарь самую свободу своего разума, как высшую жертву, какую он может принести своему Творцу и Богу разумов, тогда Господь сейчас же возвращает ему этот высший дар очищенным, просветленным, углубленным и подлинно свободным” (Митрополит Анастасий).

Западнические идеи импонируют человеческой гордости. Свято-Русские есть проявление смиренния, всегда представляющего трудную ношу для человека склонного подражать праотцу Адаму и ставить свою волю выше воли Божией. Они, т.е. Свято-Русские идеи, ставят волю человека перед высшей пробой ее гордости.

Историческая Россия свободным изволением избрала послушание Святой Православной Церкви, а в гражданской жизни форме, вытекающей из православного вероучения, т.е. Православной монархии. Пока Россия была верна этому своему избранию и хранила свое послушание, революция была немыслима, а жизнь стояла под знаком неуклонного изживания постоянно возникающих осложнений и в атмосфере нарастающего благоденствия. Идеи безответственного свободолюбия были исконно чужды России. На русскую землю они были принесены и там распространены людьми, чуждыми православия, и подхвачены нашими западниками, отметнувшими от Православия. Революция в России оказалась возможной тогда, когда совершилось нравственное падение русского народа. Он перестал быть в состоянии жить в послушании Божией Правде и выше ее поставил свою волю.

“Забвение смысла монархии, — пишет Л. Тихомиров, — делает ее невозможной для мятущихся народов Европы. А невозможность ее ныне, именно в современных условиях, прямо угрожает разложением наций и падением европейской культуры”.

Свободолюбивый демократический Запад пришел в восторг от революции в России, поддержал Советскую власть скорым признанием, торговлей и т.д., и сегодня существование с СССР ведет к катастрофе, либо страшной войны, либо победы коммунизма. Греш всегда сам в себе несет наказание!

Очевидно неизбежное это столкновение, впрочем, может иметь и еще одно следствие, которого Западный мир крайне опасается. Столкновение Западной демократии с демократией советской может привести к восстановлению Российской Православной Империи. Путь к ней долг и далек, но он есть. Придет к этому пути возможно только тогда, когда будет понята высшая Священная суть Православной Русской Монархии. Понять ее есть крайний долг современного человечества и русской эмиграции, в особенности. Восстановление России мыслимо только в том случае, если русский народ станет возвращаться на путь нравственного возрождения к тем принципам и идеалам, которые названы выше, как идеалы Свято-Русские. Православная вера русского народа, все еще не вытесненная ни большевизмом на Родине, ни в благоустройством и влияниями Запада в русской среде рассеяния, служит залогом надежды, что чудо милости Божией совершилось может.

Если не будет восстановлена Российская Православная Империя, если погибнут последние носители идеала Православной монархии и шансы на ее восстановл. будут абсолютно уничтожены, то придет время окончательного торжества греха на земле. Это будет обозначать, что человечество, стоящее на свободе им избранных путях свободы, стоящей выше всего, окончательно отказалось от единственного верного пути в жизни, пути послушания Божьему воле и Божией Правде.

О. Иоранн Кронштадтский говорил: “Если не будет покаяния у русского народа, то конец мира близок”. Только глубокое покаяние может приклонить милость Божию к тому, чтобы совершилось чудо восстановления России. Порою приходится слышать голоса, призывающие к возврату к христианству. Но до сих пор не пришло счастье: в чем же состоит возврат к нему? Пора понять. Пора сказать.

БОЛЬШОЙ ВЕЧЕР

В пятницу, 9 мая с. г., в залах отеля “САВОЙ” (угол Кангажо и Кажао) по инициативе гр. Комаровской состоится В Е Ч Е Р, чистый сбор с которого поступит в ФОНД НА ПОСТРОЕНИЕ КАФЕДРАЛЬНОГО ХРАМА.

НА ВЕЧЕРЕ: джаз-оркестр, отличный буфет, бочка счастья. Билеты и заказы на столики: по телефону: 51-1827 и 795-8512 и по воскресеньям при входе в Соборный Храм на Пуэйрредоне.

Возврат к христианству в покаянии, в осуждении неправильного выбора, сделанного человеческой свободой, в том, чтобы свободно был вновь избран путь послушания Правде Божией, Закону Бога Живаго. Послушание человека Православной Церкви не есть унижение, но доблесть, ограничение свободы в подчинении ее дисциплине. Церкви — радость жизни в духе. Применение силы власти к тому, чтобы обязать управляемых к послушанию Закону Божию, есть служение Божией Правде. Ответственность гражданской власти не перед народом, а перед Богом есть высочайшая мера жизни по совести. Такую может быть только власть законного царя. Устремление к торжеству Православной веры Христовой и Православной монархии, как формы государственного общежития — вот где возврат к христианству.

Но не видно нигде симптомов этого возвращения. Не видно плодов достойных покаяния. Судьбы мира в руке Божией. Хартию греха, совершенного праотцем Адамом в раю, человек не в силах был разорвать. Сын Божий, пришедший на землю, уничтожил ее Своей страшной Смертью и славным Воскресением. Он дал человеку силу борьбы с грехом, дал ему в очищение от греха через покаяние, приносимое Богу в Церкви, которую Он создал, Слава, Господи, святому Воскресению Твоему!

Когда человечество окончательно погрузится в грех, навсегда отвергнет покаяние. Он вновь придет на землю. Придет не затем, чтобы спасти мир, но чтобы судить мир. “Та же Любовь, — говорит святитель Филарет Московский, — Любовь, Которая приходила не судить мирови но да спасется Ею мир, придет осудить тех, которые не прияли любви истины”.

“Нет во всем Евангелии, — читаем мы в Троицких листках, — истины столь страшной, как истина второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа и Его страшного всемирного суда. Воистину страшен суд Твой, Господи!!..”

Мы даем себе отчет в том, что эта статья будет “иудеем соблазн, а еллинам безумие”. Господа Моорхеды и Поссони, многие читатели “Лайфа” только посмеялись бы, если бы она до них дошла. Смешна она и коммунистам, па и многим другим, кто отвергает Православную веру и Церковь, кто не кречет в Бога.

Но неверие в Бога не отменяет Его бытия.

“Я не понимаю, — сказал Гумилев, — как человек, переживший революцию, может остаться без Бога. То есть, я не в том смысле, чтобы, как принято, искать Бога. Что же искать, когда мы Им настигнуты и каждую минуту чувствуем себя в Его руке? Поздно. Он Сам нашел нас”.

Мы пережили революцию. Мы продолжаем переживать ее ужас, ибо она не остановилась. Страшный ее облик постоянно у нас перед глазами. Но мир подчинен идеалам западнического свободолюбия. Делается все для поправления идеалов Православия и Православной Церкви и Русской монархии. Корку честности, корку гордости не пробивает свет Божией Правды. Но, может быть, если бы малая часть, только русская часть мира обратилась, нашлись бы те пять праведников в ее среде, ради которых Бог пощадит мир и обратит его к пути правды.

Дай, Боже, чтобы искра Божьего света смогла пробиться сквозь кору гордости западнического идеала, чтобы через покаяние мир вновь обрел смиренение, чтобы... пока еще не поздно... мир вновь обрел Бога, прежде чем он будет настигнут Богом. Ибо тогда будет поздно.

Н. Кусаков

Колхоз без прикрас

Партия в лице секретаря обкома Токарева посыпает агронома и коммуниста Матвея Ивановича Хижникова в отстающий колхоз с заданием вывести его в передовые. Это задание Матвей Иванович выполняет “по-большевистски”: едет в колхоз, “мобилизует массы”, руководит ими и через короткое время они, преодолевая “крутые горы” трудностей, становятся сознательными и зажиточными.

Казалось бы, что эта партийно-колхозная идея в повести Николая Вирты “Крутые горы”, напечатанной в ленинградском журнале “Нева” (№№ 7-11 за 1956 год), выдержаны, — на первый взгляд, — в стиле традиционного для советской литературы “социалистического реализма”. Но, между тем, она фактически запрещена в СССР. Отдельным изданием повесть до сих пор не вышла, а номера журнала, где ее напечатали, изъяты из библиотек.

В чем же дело? Почему “идеологически выдержанная” по сюжету повесть советского писателя оказалась не приемлемой для хрущевского “коллективного руководства”? Дело в том, что Николай Вирта смело и правдиво изобразил без прикрас колхозную деревню, какой она была при Сталине и какая есть при Хрущеве, скромно называв свое литературное произведение “Картины из сельской жизни”.

Самая, пожалуй, правдивая глава повести описывает собрание колхозников в разваливающемся колхозе, названном автором насмешливо: “Верное дело”. В избушкально согнали человек четьреста изголодавшихся и обнищавших колхозников для “выборов” нового председателя, присланного обкомом партии. Главные действующие лица этого “собрания” — секретарь райкома партии Анна Павловна Ракитина, кандидат в председатели колхоза Хижников и два колхозника с иронически-символическими наименованиями: Утверждатель и Отрицатель. Собравшиеся, — как пишет автор, — ожесточенные своей беспроблемной и нищей жизнью, спорили полсоток и задали Ракитиной ряд острых политических вопросов, на которые она не нашла ответов.

“Отрицатель спросил ее, почему, мол, колхозники сдают хлеб государству по девяносто копеек за пуд, а покупают по рублю с гравием за килограмм. Анна Павловна в ответ сказала что-то невразумительное.

“Тот же отрицатель, продолжая с пристрастием допрашивать Анну Павловну, задал ей вопрос насчет налогов с престарелых колхозников: работать они, мол, не могут, дети их бросили, а

налоги плати. Анна Павловна сказала, что это вопрос общегосударственный и не здесь его решать...

“Отрицатель, верный себе опять поднялся:

— “А почему такое, товарищ Ракитина, рабочий, скажем, получает пенсию по старости иувечьям... Им отпуска полагаются и все такое прочее. А чем мы, колхозники, хуже их и почему таких правов не имеем...”

Растерявшаяся секретарша райкома и на этот вопрос не нашла подходящего ответа. Тогда в защиту ее и партии и с обвинениями Отрицателя выступил Утверждатель:

— “Опять Михита в троцкизму впал, прямо слушать тошно. А ведь не рассудил его качан, что у рабочего своего присадебного участка нет, доходов, скажем, он с завода не получает, как мы с колхоза...

— “Много мы получили! — крикнул Отрицатель под общий одобрительный шум”.

Собрание кончилось только под утром, когда “дважды пропели петухи”. Секретарше райкома все же удалось провести “в председатели колхоза Матвея Ивановича Хижникова. Перед собранием она грозно спрашивала намеченного к смешению председателя Степкина:

— Почему из колхоза отпускаешь людей?

Степкин ответил откровенно и зло:

— “Просятся!.. А как их не пускать? Есть-пить надо... А что мне им дать? В амбарах хоть шаром покати. У меня остался единственный капитал — колхозная печать. Я ее и ставлю на справки, да на бумаги. Но ей уже не верят”.

Другой колхозный председатель Фоклеев так характеризует партийное начальство и его деятельность:

— “У нас, дорогие товарищи, через чур много над колхозами начальства. В районе над председателем человек тридцать, а в области и сотня наберется... И не в том грех, что их много, а что каждый норовит обучать тебя, как хозяйствовать, сам, иной раз, в хозяйственном смысле. Сей мол, тогда-то, — обязательно то-то, а не будет, как директиву дали, — вздрогнем по первому числу... У меня... есть в колхозе дед Мосей. Этот положит горсть земли на язык, покует маленько и скажет: сей Михаил, овес через пять лет, я сею. Или скажет: обожди малость. И выходит по его примете. А начальство в обиде. Ты, дескать, Фоклеев, невежество, разводишь, науку противоречишь, хотят сам себя ученым считать. Мы тебя, такую-рассякую, заставим по науке па-

хать, когда надо и сеять, что надо. Держись директивы, не то...”

Сама секретарша райкома Ракитина о писателях, “социальному-реалистически” рисующих колхозную жизнь, выражается не совсем “идеологически выдержанно”:

— “Дураки так думают или подхалимственные борзописцы размалевывают колхозное приволье”.

Животные в колхозе “Верное дело” живут не лучше людей. В описании автора это выглядит так:

“На лошадей было страшно смотреть. Исхудавшие, склонив головы к пустым изглоданным яслиям, они время от времени зябко вздрагивали, не обращая внимания на ходивших людей, безучастные ко всему, с тоскливой покорностью перенося холод и голод, тесноту и грязь, которую месили бессильными ногами. Многие из лошадей лежали, и только порывистое дыхание свидетельствовало о том, что они еще живы”.

В отличие от многих советских писателей, Николай Вирта правдиво изображает и коммунистическое правоустройство. Один из колхозников для того, чтобы накормить свою голодную семью, украл пять килограммов ржи и за это “три года отбыл” в концлагерь. Причины этого “отбытия” он объясняет со слезами на глазах:

— “Вот так подошло, повериши ли ты? Дома ни крохи, а ребята, словно тебе галчата, рты разевают, есть просят... Я и... они (колхозное начальство. М. Б.) тоннами воровали, им ничего, а мне...”

С журналистом, посмевшим критиковать despoticеского секретаря обкома Токарева, было поступлено по всем давней советской традиции:

“...его не только выгнали из редакции и исключили из партии. Однажды редактор ушел на работу, а вернулся через семь лет седым. Родные не узнали его...”

На фоне таких “картин из сельской жизни” развертывается судьба главного героя повести — Матвея Ивановича Хижникова. Работая агрономом в отдаленном совхозе, он стремится поближе к “центрам”, где бы смог “поговорить с умными людьми и разыграть с чувством пульку”. Его жена мечтает о “ приятных соседках”, “новых модах” и о тех временах, когда она с мужем, на конец, не будет “живь в вечной грязи”. Этим скромным мечтам двух советских граждан не суждено сбыться. Матвея Ивановича погнали в колхоз и в результате жена, потерявшая все надежды на “новую, лучшую жизнь”, разошлась с ним.

Кое-как справившись со своим личным горем, Матвей Иванович целиком уходит в работу по “выводу колхоза из прорыва”. Ему, — как и полагается

На построение кафедрального собора ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА

4 мая с. г., в 17 час., в помещении Колонисадора (Сан Мартин 344 Вижа Бажестер), при участии хора Л. Л. Иванова состоится розыгрыш лотереи ручных работ, организованной СРЕТЕНСКИМ ЦЕРКОВНЫМ СЕСТРИЧЕСТВОМ ЧАЙ — БУФЕТ

ИЩУ

сроком на один месяц
первый том
“ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИИ”
под редакцией Потемкина
предвоенное издание
Предложения адресовать в редакцию
“НАШЕЙ СТРАНЫ”

по канонам советской литературы, удается вывести колхоз в число передовых, перевоспитать колхозников и сделать их зажиточными. Однако, все эти превращения и перевоплощения представлены читателю с такой народной, такой умышленно подчеркиваемой автором фальшью, что она ясна даже иностранцам.

Следует отметить еще одну “картина из сельской жизни” в повести, напоминающую ковбойско-бандитское захолустье американского Дальнего Запада прошлого столетия. Секретарь партийной организации колхоза “Верное дело” Попов, постоянно пьянствуя и ради карьеры и личной наживы не останавливающей перед каждой гнусностью, опасается проявления к нему “определенных чувств” колхозников. Поэтому он никогда не расстается с револьвером.

Написав “Крутые горы”, Николай Вирта совершил тройной грех перед советской властью: сказал правду о колхозах, поставил под сомнение их нужность и показал партийцев в роли погонщиков. А отсюда один шаг и до отрицания коммунизма.

Почему же, однако, хрущевская цензура позволила напечатать “Крутые горы” в журнале “Нева”? Это произошло в первые годы послесталинского показного “либерализма”. Позволили и быстро спохватились: а ведь “Крутые горы” для нас гораздо вреднее, чем полезнее! И повесть была запрещена. Без особенного, впрочем, шума. Без такого шума, которым до сих пор сопровождается роман Владимира Дудинцева “Не хлебом единим”.

Михаил Бойков

читал, что на предательство со стороны. Вот этот один шанс и выпал... сидит Бабенко с угнетенной не... Господи, кому при такой роже дешевый маскарад!..

ем дворе ленинградского ГПУ Добрии в моих наручниках и никак не вертились в подушки. Борис, уже склоняя руку и иронизирует: “как это вы, вшей практике, до сих пор не научились...”

и плохим деланным спокойствием. А меня в лоб. Юра старается не у и говорит:

идания... В четвертом измерении... гештальтная теория о метам психологии... голос не выдает уверенности в этой

ст — и в третьем встретимся...

Степушка — он едва ли что знает нас плотным кольцом выстроил, хотя между нами и волей — стены тюрьмы ОГПУ — тюрьмы единственное, что советская власть долго, очень долгое время.

таким бетонным лестницам. Потом ухасовой обыск. Одиночка. Ченазад. Бессонные ночи. Лязг тю-

глубокие ниши, ведущие в камеры. Это — корпус одиночек...

Издали, из-за угла коридора появляется фигура какого-то заключенного. Ведущий его надзиратель что-то командует и заключенный исчезает в нише. Я только мельком вижу безмерно исхудавшее, обросшее лицо. Мой надзиратель командует:

— Проходите и не оглядывайтесь в сторону.

Я все-таки искаса оглядаюсь. Человек стоит лицом к двери и надзиратель заслоняет его от моих взоров. Но это — незнакомая фигура...

Меня вводят в кабинет следователя, и я, к своему изумлению, вижу Добротина, восседающего за огромным, министерским письменным столом.

Теперь его руки не дрожат, на круглом, хорошо откомленном лице — спокойная и даже благожелательная улыбка.

Я понимаю, что у Добротина есть все основания быть доволенным. Это он провел всю операцию, пусть несколько театрально, но втихомолку и с успехом. Это он поймал вооруженную группу, это у него на руках какое ни на есть, а все же настоящее дело, а ведь не каждый день, да пожалуй, и не каждый месяц ГПУ, даже ленинградскому, удается из чудовищных куч всяческой провокации, липы, халтуры, инсценировок, доносов, “романов” и прочей трагической чепухи извлечь хотя бы одно “жемчужное зерно” настойщей контрреволюции да еще и вооруженной.

Лицо Добротина лоснится, когда он приподымается, протягивает мне руку и говорит:

— Садитесь, пожалуйста, Иван Лукьянович...

Я сажусь и всматриваюсь в это лицо, как хотите, а все-таки победителя. Добротин протягивает мне папирю и я закуриваю. Я не курил уже две недели, и от папирю чуть-чуть кружится голова.

— Чаю хотите?

Я, конечно, хочу и чаю... Через несколько минут приносят чай, настоящий чай, какого “на воле” нет, с лимоном и сахаром.

— Ну-с, Иван Лукьянович, — начинает Добротин, — вы, конечно, прекрасно понимаете, что нам все, решительно все извест-

но. Единственная правильная для вас политика — это карты на стол.

Я понимаю, что какие тут карты на стол, когда все карты и без того уже в руках Добротина. Если он не окончательный дурак, а предполагать это у меня нет решительно никаких оснований, то помимо бабенковских показаний, у него есть показания г-жи Е. И, что еще хуже, показания Степушки. А что именно Степушка с переполоху мог наворотить, этого наперед и хитрый человек не придумает.

Чай и папирю уже почти совсем успокоили мою нервную систему. Я почти спокоен. Я могу спокойно наблюдать за Добротиным, расшифровывать его интонации и строить какие-то планы самозащиты — весьма эфемерные планы, впрочем...

— Я должен вас предупредить, Иван Лукьянович, что вашему существованию непосредственной опасности не угрожает. В особенности, если вы последуете моему совету. Мы — не мясники. Мы не расстреливаем преступников, гораздо более опасных, чем мы. Вот, — тут Добротин сделал широкий жест по направлению к окну. Там, за окном, во внутреннем дворе ГПУ еще достраивались новые корпуса тюремы. — Вот тут работают люди, которые были приговорены даже к расстрелу, и тут они своим трудом очищаются от прежних преступлений перед советской властью. Наша задача — не карать, а исправлять.

Я сижу в мягком кресле, курю папирю и думаю о том, что это дипломатическое вступление решительно ничего хорошего не предвещает. Добротин меня обхаживает. А это может означать только одно: на базе бесспорной и известной ГПУ и без меня фактической стороны нашего дела Добротин хочет создать какую-то “надстройку”, раздуть дело, запутать в него кого-то еще. Как и кого именно — я еще не знаю.

— Вы, как разумный человек, понимаете, что ход вашего дела зависит прежде всего от вас самих. Следовательно, от вас зависят и судьбы ваших родных — вашего сына, брата... Поверьте мне, что я не только следователь, но и человек. Это, конечно, не значит, что вообще следователи — не люди... Но ваш сын еще так молод...

(Продолжение следует)

